

A woman with dark hair, wearing a white shirt with a red floral pattern, stands in a pantry. She is holding a wicker basket filled with onions. The background is filled with shelves of various food items, including jars and bags. The lighting is warm and focused on the woman.

Кукуша

Зинка-корзинка

Кукуша Кукуша

Зинка-корзинка

<https://litres.ru/74088884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она стояла в «Семерочке» и смотрела на йогурт с красной наклейкой. Срок годности истекал завтра. Дома оставалась гречка без масла, а до зарплаты — шесть дней. Зинаида Станиславовна Оперетова — искусствовед, мать двоих детей, женщина, которую бросил муж и с которой поссорилась мать, — не знала, как ей быть. Пока не встретила Марию. Пока не взяла в руки старую корзинку с цифрой «7» на боку.

Мир, в котором тонны еды гниют на полигонах, а дети недоедают, оказался не просто жестоким — он оказался абсурдным. Зинаида начинает расследование. Она выясняет, что Россия ежегодно теряет 42 миллиона тонн продуктов — в сорок раз больше, чем нужно, чтобы накормить всех нуждающихся. Что две трети потерь происходит в холодильниках. Что магазинам выгоднее выбрасывать еду, чем отдавать её людям.

Её называют Зинкой-корзинкой. Смеются над ней. Ей угрожают. Но у неё — вселенская душа. Она не может молчать. И она начинает войну — против системы, против равнодушия.

Кукуша

Зинка-корзинка

Пролог

Пищевой коллапс

Боже мой, как же они будут смеяться над нами. Через сто лет, когда наши кости превратятся в труху, а наши города — в слои археологического пепла, историки будут раскапывать остатки наших холодильников и недоуменно качать головами. Они будут держать в руках эти пластиковые контейнеры с засохшими остатками того, что мы называли "едой", и пытаться реконструировать цивилизацию, которая имела всё и потеряла всё.

В музеях будущего, если музеи вообще будут, экскурсоводы будут показывать на наши супермаркеты, застывшие в вечной мерзлоте, и говорить детям: "Смотрите, они выбрасывали сорок два миллиона тонн еды каждый год. Они голодали и умирали от истощения, стоя среди гор мяса, хлеба и молока. Они были безумны".

И дети будущего, которые будут знать цену каждой крошке, каждого зернышка, будут смотреть на нас с тем же ужасом, с каким мы смотрим на римлян, травивших друг друга свинцом, или на средневековых крестьян, хоронивших живых во время чумы. Они будут шептать: "Как они могли? Как они могли смотреть на это и ничего не делать?"

Но мы ничего не делали. Мы сидели в своих уютных квартирах, забитых продуктами, и не замечали, как мир рушится вокруг нас. Мы были счастливы. Мы были сыты. Мы были равнодушны.

И вот, когда наступил Пищевой коллапс, никто не был готов. Никто.

Зинаида Станиславовна Оперетова стояла на кухне и смотрела на пустые полки. Вчера еще здесь лежали макароны. Три дня назад — гречка. Неделью назад — банка тушенки, которую она купила еще до того, как муж ушел. Теперь — ничего. Только холод, просачивающийся через щели в старых рамах, и дети, спящие в соседней комнате.

Она открыла холодильник. Внутри было пусто. Только полка с позавчерашним хлебом, который уже начал покрываться зеленой плесенью. И кусочек сыра, который она прятала от детей, чтобы он достался им в крайний день. Крайний день наступил.

Она села на кухонный стул и закрыла глаза. На улице выли сирены. Кто-то кричал внизу. Слышался звон разбитого стекла. Москва умирала. Она умирала не от бомбежек, не от эпидемий. Она умирала от того, что люди разучились делиться. От того, что еда, которая могла бы спасти миллионы, гнила на складах, потому что так было выгоднее. От того, что система, созданная для того, чтобы кормить, превратилась в систему, которая убивает.

Зинаида вспомнила, как все начиналось. Вспомнила, как

впервые увидела просрочку в "Семерочке". Как женщина дала ей корзинку. Как ее называли Зинка-корзинка. Как она пыталась бороться. Как писала статьи, ходила на телевидение, кричала о цифрах.

Никто не слушал. Никто не хотел слушать.

Они смеялись. Говорили: "Зинка-корзинка, ты сумасшедшая. Еды полно. Посмотри на полки. Разве это похоже на голод?"

Она смотрела на полки. Они были полны. И она знала, что завтра они будут такими же полными. И послезавтра. И через месяц. Но еда не доходила до тех, кому была нужна. Она уходила в мусор. Она гнила на полигонах. Она становилась кормом для крыс.

А теперь мир рухнул. И никто не знал, что делать.

Зинаида открыла глаза и посмотрела на корзинку, которая стояла на столе. Старая, потертая, с цифрой "7" на боку. Та самая, с которой все началось.

— Ты была со мной, — прошептала она. — Ты была моим талисманом. Ты была моей надеждой.

Она взяла корзинку в руки и провела пальцем по царапинам. Где-то там, за окнами, мир умирал. Но здесь, на кухне, была она. И были ее дети. И она знала, что должна бороться. Даже если все потеряно.

— Мы не сдадимся, — сказала она. — Мы не сдадимся. Мы будем бороться.

Она встала, оделась и вышла на улицу. Ветер бил в лицо,

небо было серым, каким-то мертвенным. Люди бегали, кричали, дрались за последние крошки хлеба.

Зинаида шла к "Семерочке". Она знала, что там уже нет еды. Но она шла. Потому что это было единственное место, где она знала, что делать.

Дверь была выбита. Внутри — хаос. Разбитые витрины, пустые полки, люди, которые стояли на коленях и собирали крошки с пола.

Зинаида прошла в подсобку. Там, в углу, лежала коробка с просрочкой. Та самая, которую менеджеры давали ей год назад. Она открыла ее. Внутри было молоко, творог, йогурты — все с истекшим сроком. Вчера это было бы мусором. Сегодня это было спасением.

Она взяла коробку и пошла к выходу. Ее никто не остановил. В этом хаосе никто не обращал внимания на женщину с коробкой просрочки.

Она вышла на улицу и посмотрела на небо. Дождь начался. Капли падали на ее лицо, смешиваясь со слезами.

— Мы выживем, — сказала она. — Мы выживем. Даже если мир рухнул. Мы выживем.

И она пошла домой. К детям. К корзинке. К своей жизни. Потому что она — Зинаида Станиславовна Оперетова.

И она шла до конца.

Глава первая

Зинка-корзинка

В тот день, когда Зинаида Станиславовна Оперетова в по-

следний раз видела мужа, тот стоял в прихожей и завязывал шнурки на своих дурацких кедах, которые она ненавидела с первого дня их знакомства. Кеды были грязно-бежевого цвета, истоптанные, с противными желтыми шнурками, и когда он их завязывал, его пальцы двигались с какой-то удивительной медлительностью, будто он участвовал в похоронной процессии собственной жизни.

— Я ухожу, — сказал он.

— Я вижу, — ответила она.

И он ушел. Хлопнула дверь. Дети на кухне доедали гречку, вчерашнюю, разогретую на сковороде без масла, потому что масло закончилось три дня назад, а денег до зарплаты оставалось еще шесть. Шесть дней. Сто сорок четыре часа. Восемь тысяч шестьсот сорок минут. Зинаида сидела на продавленном стуле в коридоре и считала минуты, потому что считать больше было нечего.

Она работала искусствоведом в музее народного декоративно-прикладного искусства на Делегатской улице. Зарплата — тридцать две тысячи рублей. Тридцать две тысячи в месяц, и из них двенадцать — съемная однушка на окраине, еще пять — коммуналка, и остается пятнадцать тысяч на двоих детей, на себя, на транспорт, на лекарства, на жизнь. Пятнадцать тысяч в Москве. Пятнадцать тысяч — это смешно. Это как если бы дать человеку одно весло и отправить его через океан.

В музее пахло пылью и лаком. Там хранились расписные

прялки, глиняные свистульки в виде птиц, берестяные туеса с выжженными узорами, резные наличники, привезенные из сносимых деревень, — вся эта красота, которую никто не покупал, потому что люди в России не знали, что можно жить среди красоты. Они знали, что можно жить среди пластиковых окон и ламината. Зинаида писала статьи в искусствоведческие журналы, которые никто не читал, и ходила на заседания ученого совета, где обсуждали цветовую гамму хохломской росписи и влияние языческих мотивов на геометрический орнамент северных кокошников. Она сидела в длинном зале с высокими потолками, смотрела на коллег, которые тоже еле сводили концы с концами, и думала: мы говорим о красоте, а у меня дети дома ждут ужина.

Как это может быть? Как это может быть, мать двоих детей, искусствовед с высшим образованием, знающая три иностранных языка, в том числе латынь, которую она учила для диссертации о символизме в древнерусском шитье, — как это может быть, что она не может прокормить своих детей?

Она поссорилась с матерью в прошлую субботу. Мать жила в Подольске, в своей маленькой хрущевке, и каждый раз, когда Зинаида приезжала, мать говорила:

— В Москву поехала, умная была. В музей устроилась, искусствовед. А что толку? Ты бы хоть замуж нормально вышла.

— Я была замужем, мама.

— За таким, как твой Сережа? Это не муж, это так, недо-
разумение. Ты бы в завод пошла, как я. Или в школу. Учи-
тельницей. Зарплата маленькая, но стабильная.

— Я люблю свою работу.

— Любишь, любишь. А дети голодные сидят.

Мать была права, и от этого было особенно больно. Зинаи-
да тогда собрала сумку, посадила детей в электричку и уеха-
ла, не попрощавшись. Дети всю дорогу молчали. Старшему,
Мише, было восемь, младшей, Ане, пять. Они уже научи-
лись молчать, когда мама ссорилась с бабушкой. Они знали,
что лучше не задавать вопросов.

А теперь она стояла в «Семерочке» на углу, и смотрела на
полки. Боже мой, сколько там было всего! Ряды банок с ту-
шенкой, пакеты с крупой, молочные продукты в ярких упа-
ковках, колбасы, сыры, йогурты с картинками сказочных ге-
роев, шоколадки с орехами, которые Аня так любила, но ко-
торых она не видела уже три месяца. И все это лежало, ждало
покупателей, истекало сроками годности, гнило, пропадало.

Зинаида подошла к стеллажу с йогуртами. На одном была
красная наклейка: «Скидка 30%». Срок годности — завтра.
Она взяла его в руки, посмотрела на состав, на дату произ-
водства. Йогурт был хороший, дорогой, с настоящими ягода-
ми, не тот порошок, которым торговали в дешевых сетях.
Она повертела его в руках и вдруг заметила женщину, кото-
рая стояла рядом с тележкой, полной точно таких же йогур-
тов. Женщина была средних лет, в потертой куртке, с уста-

лым лицом. Она не торопясь собирала продукты с истекающим сроком, аккуратно складывала их в корзину — обычную пластиковую корзинку из магазина, ничем не отличающуюся от сотен других.

Зинаида подошла к ней.

— Извините, — сказала она. — А что вы делаете?

Женщина подняла глаза. В них была настороженность.

— Что надо?

— Я просто хотела спросить... вы берете продукты с истекающим сроком?

— Ну. Беру.

— А их можно брать?

Женщина усмехнулась.

— Если знаешь как, можно.

Она взяла еще два йогурта, положила в корзину и пошла к кассе. Зинаида пошла за ней. У кассы женщина достала из кармана мятый рубль, расплатилась, и уже выходя, повернулась к Зинаиде:

— Ты чего, дура? Зачем следишь?

— Я просто хочу понять, — сказала Зинаида. — У меня дети. Я не могу их прокормить. А здесь столько еды. Еды, которую выбрасывают.

Женщина посмотрела на нее долгим взглядом. В этом взгляде было все: усталость, недоверие, привычка не верить никому и, наконец, какое-то странное узнавание.

— Приходи завтра в семь вечера, — сказала она. — Спро-

сишь у Наташи. Скажи, что от Марьи. Она даст тебе корзинку.

— Корзинку?

— Корзинку, — повторила женщина. — Ты поймешь.

И ушла.

Зинаида пришла в семь. Она оставила детей с соседкой — старой грузинкой, которая сидела с ними за копейки, пока Зинаида была на работе. Соседка все время жаловалась на ноги, на сердце, на то, что ее внуки в Тбилиси, а она здесь, в Москве, и никто ее не навещает. Зинаида приносила ей иногда хлеб, и соседка благодарно кивала.

В «Семерочке» было полно народу. Зинаида прошла к кассам, огляделась. За одной из касс стояла полная женщина с короткой стрижкой и ярко-красными ногтями. Зинаида подошла.

— Наташа?

Женщина подняла голову.

— Я от Марьи, — сказала Зинаида.

Наташа кивнула, не говоря ни слова, и жестом показала ей подойти к стойке с корзинами. Там, среди обычных корзин, лежала одна — старая, с надорванной ручкой, на боку которой кто-то черным маркером нацарапал цифру «7».

— Возьми эту, — сказала Наташа. — Только не говори никому.

Зинаида взяла корзинку. Рука дрожала.

Она прошла в торговый зал, не зная, что делать дальше.

Она шла мимо полок, и через минуту к ней подошел парень в синей форме — менеджер, судя по бейджику на груди. Он посмотрел на ее корзинку, кивнул и сказал:

— Идите за мной.

Они прошли к подсобному помещению, где стояли ящики с продуктами. Парень открыл один ящик и начал перекладывать в ее корзинку упаковки. Творог. Молоко. Йогурты. Сыр. Все с истекающим сроком, все — завтра или послезавтра, но вполне съедобное.

— Это вам, — сказал парень. — Мы все равно это выкидываем.

— Сколько я должна заплатить?

— Ничего. Это для своих.

Своих. Зинаида посмотрела на парня, на его усталые глаза, на его синюю форму, на ящики с едой, которую собирались выкинуть, и вдруг заплакала.

— Эй, — сказал парень испуганно. — Вы чего? Все нормально.

— Да, — сказала Зинаида, вытирая слезы. — Да. Все нормально.

Она вышла из магазина с полной корзинкой. В руках она держала продукты, которые только что получила бесплатно. Продукты, которые могли бы быть в мусоре. Продукты, которые ее дети будут есть завтра. Или послезавтра. Или через неделю, если она сумеет их сохранить.

Но через неделю она пришла снова. И снова. И снова. Па-

рень у подсобки уже не удивлялся. Он называл ее по имени — Зинаида Станиславовна, — и его лицо светлело, когда он видел ее с той самой корзинкой, которую менеджеры магазина узнавали с первого взгляда.

Корзинка. Старая, с надорванной ручкой, с черной семеркой на боку. Она стала ее пропуском в мир, где еда не пропадала, где дети ели сыр и йогурты, где можно было взять творог и не думать о том, что завтра у тебя не будет денег на хлеб.

И однажды, выходя из магазина, она услышала за спиной: — О, Зинка-корзинка! Опять на халяву пришла?

Она обернулась. Две женщины, стоявшие у входа, смотрели на нее с презрительной усмешкой.

— Ты бы хоть корзинку поменяла, — сказала одна. — А то все узнают.

Зинка-корзинка. Вот как ее теперь называли в округе. Зинка-корзинка, которая ходит в «Пятерочку» за просрочкой. Зинка-корзинка, которая не может прокормить детей. Зинка-корзинка, искусствовед с высшим образованием.

Она шла домой и думала. Она думала о том, сколько таких женщин, как она. Сколько их, таких же, с такими же корзинками, с такими же детьми, с таким же стыдом и такой же гордостью. Сколько еды пропадает в магазинах. Сколько еды выбрасывают каждый день. Сколько еды можно было бы отдать тем, кто в ней нуждается.

Она сидела на кухне, смотрела на продукты, разложенные

на столе, и считала. Она открыла ноутбук, старый, с треснувшим экраном, и начала гуглить. Цифры были страшными.

В России ежегодно теряется сорок два миллиона тонн продуктов питания. Сорок два миллиона. Это как если бы каждый житель страны выбросил по триста килограммов еды в год. А для того, чтобы накормить всех нуждающихся, нужно всего чуть больше миллиона тонн. Миллион. Сорок два против одного.

Две трети всех потерь — в холодильниках. Две трети. Люди покупают, хранят, забывают, выбрасывают. Остальное — магазины, рестораны, склады. Она читала исследования благотворительных фондов, данные Росстата, статьи экономистов. Семьдесят один процент всех выбрасываемых продуктов приходится на домохозяйства. Еще двадцать девять — на ретейл и общепит. И только малая часть, смехотворно малая, попадает к тем, кто действительно в ней нуждается.

Зинаида выключила ноутбук и посмотрела в окно. За окном была Москва. Москва с ее золотыми куполами и бетонными коробками, с ее богатыми и бедными, с ее магазинами, полными еды, которая гниет, и людьми, которые голодают.

И тогда она приняла решение.

— Я не успокоюсь, — сказала она в пустоту. — Я не могу успокоиться. У меня вселенская душа. Я хочу знать, куда уходит еда. Я хочу знать, почему мы выбрасываем то, что могли бы отдать. Я хочу, чтобы мои дети никогда не знали, что такое голод.

Она взяла лист бумаги и начала писать. Она писала цифры. Сорок два миллиона тонн. Миллион нуждающихся. Семьдесят один процент. Двадцать девять процентов. Она писала и плакала. Плакала от бессилия и от ярости. Плакала от того, что она, Зинаида Станиславовна Оперетова, искусствовед, мать двоих детей, женщина, которую бросил муж, которая поссорилась с матерью, которую называют Зинкой-корзинкой, — что она, в конце концов, ничего не может сделать.

Но она могла. Она не знала еще, как именно, но она могла. И она начала.

Она пошла в газеты. В маленькие, районные. Она принесла им свои цифры, свои расчеты, свои вопросы. Они посмотрели на нее как на сумасшедшую.

— Вы кто? — спросил редактор.

— Искусствовед.

— А почему вы пишете о еде?

— Потому что я мать.

Они отказали.

Она пошла на радио. Ее записали, пообещали выпустить в эфир, но так и не выпустили. Она звонила, приходила, снова звонила. Ей говорили: «Мы передумали», «Это не формат», «Слишком остро».

Она пошла на телевидение. Она стояла у входа в телецентр, сжимала в руках папку с цифрами, ждала. Ее не пустили. Охранник сказал: «Пропуск есть?» — и она ушла.

И тогда она пошла на хитрость.

Она села за ноутбук и написала статью. Не для газеты, не для телевидения. Для искусствоведческого журнала, того самого, где она иногда публиковалась. Журнала, который никто не читал, но который читали такие же искусствоведы, как она. Она написала о продуктах, пропадающих в магазинах, как о моделях для художественных вузов. О том, что их можно использовать в качестве образцов для изобразительного и прикладного искусства. Что банки с просроченным йогуртом, упаковки с творогом, пакеты с молоком — все это могло бы стать натурой для студентов, которые учатся рисовать натюрморты.

Она написала это с иронией, с сарказмом, с болью. Она вложила в эту статью всю свою злость, все свое отчаяние, все свои слезы. И она приложила к статье цифры. Те самые цифры. Сорок два миллиона тонн. Миллион нуждающихся. Семьдесят один процент.

Статью опубликовали.

А потом обман раскрылся. Кто-то из коллег понял, что это не про искусство. Кто-то донес. Кто-то сказал: «Оперетова просто хочет прославиться. Она замаскировала социальную проблему под научную статью».

Общество раскололось. Одни говорили: «Оперетова права! Посмотрите на цифры! Она делает важное дело!» Другие кричали: «Оперетова — обманщица! Она использовала журнал в своих целях! Она не искусствовед, она агитатор!»

Споры шли в интернете, в газетах, на телевидении. О Зинаиде заговорили. Ее приглашали на эфиры, но она отказывалась. Она сидела на кухне и смотрела, как ее имя мелькает в новостных лентах.

Зинка-корзинка. Теперь так ее называли все.

Она закрыла ноутбук и посмотрела на детей. Миша делал уроки, Аня рисовала на полу. На столе стояла тарелка с творогом — тем самым, который она принесла из «Пятерочки». Творог был свежий, вкусный. Дети ели его с утра.

Зинаида думала о том, что будет дальше. Она не знала. Но она знала, что больше не остановится.

Потому что у нее — вселенская душа.

Потому что она — мать.

Потому что она — Зинаида Станиславовна Оперетова.

И она будет бороться.

До конца.

Глава вторая

Тактильные ощущения

На второй день после публикации Зинаиде позвонили из "Комсомольской правды". Девушка с голосом, похожим на скрип несмазанной тележки, представилась корреспонденткой и сказала, что они хотят сделать интервью.

— Вы та самая женщина, которая написала про искусство и просрочку? — спросила она.

— Я.

— Вы не могли бы приехать к нам в редакцию?

— Нет, — сказала Зинаида. — Я не могу. У меня дети.

— Тогда мы приедем к вам.

Зинаида посмотрела на свою квартиру. На обои, которые отклеивались в углах. На продавленный диван, на котором спал Миша. На ковер, выстиранный до дыр. На кухонный стол, где лежали вчерашние продукты из "Пятерочки". На все это убожество, которое она так старательно прятала от чужих глаз.

— Нет, — сказала она. — Я приеду сама.

Она оставила детей с соседкой и поехала в центр. Дорога заняла час с лишним — пересадки, давка, бесконечные эскалаторы, где люди стояли неподвижно, как мумии в египетской гробнице. Зинаида смотрела на их лица — уставшие, безразличные, ничего не выражающие — и думала о том, сколько еды они выбрасывают каждый день. Семьдесят один процент. Семьдесят один процент всех потерь приходится на домохозяйства. На их холодильники. На их холодильники! Она смотрела на людей в вагоне и видела их холодильники. Забитые, переполненные, с гниющими продуктами в глубине. С заплесневелым сыром за коробкой с кефиром. С засохшей колбасой за пакетом с замороженными пельменями. С забытыми огурцами, которые превратились в желе.

Зинаида думала: мы живем в стране, где еды больше, чем нужно, и меньше, чем надо. Мы живем в стране, где продукты гниют в холодильниках, а дети недоедают. Мы живем в стране абсурда. И мы к этому привыкли.

В редакции ее встретила та самая девушка — Света, молоденькая, с острым подбородком и глазами навывкате, которые смотрели на Зинаиду с болезненным любопытством.

— Зинаида Станиславовна, — сказала Света, — вы, наверное, героиня. Я прочитала вашу статью. Это очень смело — так говорить о проблеме.

— Я ничего не говорила, — сказала Зинаида. — Я просто написала цифры.

— Но вы написали их в искусствоведческом журнале. Это было... нестандартно.

— Это был единственный способ, чтобы меня услышали. Я ходила в газеты, на радио, на телевидение. Меня никто не слушал. А тут — послушали. Хотя бы прочитали.

Света закивала, застрочила в блокноте.

— Расскажите, как вы пришли к этой теме? — спросила она.

Зинаида рассказала. О муже, который ушел. О детях, которые недоедают. О работе, где зарплаты не хватает даже на хлеб. О матери, с которой они поссорились. О "Семерочке". О корзинке. О кличке. Она рассказывала спокойно, почти отстраненно, как будто говорила о ком-то другом. Света записывала, не поднимая головы.

— И вы не боитесь? — спросила Света, когда Зинаида закончила. — Что вас назовут... ну, знаете...

— Зинкой-корзинкой? — перебила Зинаида. — Меня уже так называют. Это не страшно. Страшно другое.

— Что?

— Страшно, что никто не знает, куда уходит еда. Страшно, что мы не видим этого. Мы смотрим на полки в магазинах, видим изобилие и думаем: у нас все хорошо. А за спиной у нас — горы просрочки. Горы еды, которую выбрасывают. И мы не знаем, что с ней происходит.

Света подняла глаза.

— А вы знаете?

— Я хочу узнать.

— И как вы будете это делать?

Зинаида посмотрела в окно. За окном был серый московский день, серые дома, серые лица. Она подумала о том, сколько всего еще предстоит сделать. Сколько вопросов задать. Сколько ответов получить.

— Я пойду на склады, — сказала она. — В распределительные центры. В магазины. Я буду смотреть, слушать, спрашивать. Я хочу знать, где гниет еда. Где ее выбрасывают. Куда она девается потом.

— Это опасно, — сказала Света.

— Все опасное.

Она ушла из редакции с чувством, что сделала первый шаг. Маленький, несмелый, но первый. Она вышла на улицу, вдохнула московский воздух, пропахший бензином и выхлопными газами, и подумала: завтра я поеду в распределительный центр. Сегодня я возьму детей из школы. Куплю им хлеба. А завтра — я начну.

Но завтра все оказалось сложнее.

Она приехала в распределительный центр "Семерочки" на окраине Москвы. Огромный ангар с серыми стенами, где пахло картоном и сыростью. У входа ее встретил мужчина в черном костюме с бейджиком — заместитель директора по логистике. Он был молод, лет тридцати, с гладко зачесанными волосами и холодным взглядом, который сразу сказал Зинаиде: ты здесь лишняя.

— Зинаида Станиславовна, — сказал он сухо. — Нам сообщили, что вы хотите осмотреть склад.

— Да. Я хочу понять, куда уходят продукты с истекающим сроком.

— На утилизацию.

— А конкретнее?

Мужчина поморщился.

— Конкретнее — на полигоны. Или на переработку. Все по закону.

— А можно мне посмотреть?

— Нет. Это коммерческая тайна.

— Но продукты-то выбрасываются. Я хочу понять, как. Есть ли у вас программа фудшеринга? Передаете ли вы продукты в благотворительные фонды?

Мужчина усмехнулся.

— Зинаида Станиславовна, я понимаю вашу озабоченность. Но мы работаем в рамках закона. Все, что можно передать, мы передаем. Все, что нельзя — утилизируем.

— А что нельзя?

— Продукты с истекшим сроком годности. Они опасны.

— Но сроки годности — это рекомендация. Многие продукты можно есть и после. Особенно те, что хранятся при правильной температуре.

— Это вопрос ответственности. Мы несем ответственность перед покупателями.

Зинаида смотрела на него и видела, что он врет. Или не врет, а просто выполняет свою работу. Он не думал о том, что продукты с истекшим сроком, хранившиеся в холодильнике, можно есть еще несколько дней. Он думал о том, чтобы не нарушить закон. Чтобы избежать проблем. Чтобы все было гладко.

Она уехала ни с чем. Но на обратной дороге в электричке она встретила женщину. Ту самую, с которой все началось. Марью. Женщина сидела в углу вагона, смотрела в окно и жевала бутерброд с колбасой.

— Зинаида! — сказала Мария. — Ты что здесь делаешь?

— Ездил на склад. Хотела узнать, куда уходят продукты.

Марья усмехнулась.

— И что узнала?

— Ничего. Мне не сказали.

— А ты думала, скажут? — Мария покачала головой. — Ты слишком наивная, Зинаида. Склады — это бизнес. Им невыгодно отдавать продукты даром. Им выгоднее их уничтожать.

— Но почему? — Зинаида села рядом. — Ведь это же бессмысленно. Еда есть, люди голодные. Почему нельзя просто отдать?

Марья посмотрела на нее долгим взглядом, потом вздохнула и начала рассказывать.

— Слушай, Зинаида. Я работала в магазине десять лет. Я знаю, как там все устроено. Когда продукты истекают, их списывают. Списание — это убыток. Убыток — это налоговая льгота. Понимаешь? Магазинам выгодно выбрасывать еду. Потому что они могут списать ее с налогов. Если они отдадут ее бесплатно, они не получают льготу. Им придется заплатить НДС с этой продукции. А это большие деньги.

Зинаида смотрела на Марию широко открытыми глазами. Она знала, что бизнес жесток. Но чтобы настолько...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.